

Прямое сравнительное исследование эффективности анти-IgE- и анти-IL4R α -терапии у пациентов с тяжелой аллергической и смешанной бронхиальной астмой

В.В. Наумова[✉], nika.naumova@gmail.com, Е.К. Бельтюков, О.П. Ковтун, Г.А. Быкова, В.И. Трошина, А.Н. Минеева

Уральский государственный медицинский университет; 620028, Россия, Екатеринбург, ул. Репина, д. 3

Резюме

Введение. В научных базах данных встречается недостаточное количество прямых сравнительных исследований генно-инженерных биологических препаратов (ГИБП) для лечения тяжелой бронхиальной астмы (ТБА).

Цель. Сравнить эффективность омализумаба и дупилумаба у пациентов с аллергической и смешанной ТБА в реальной клинической практике.

Материалы и методы. В прямое сравнительное исследование вошли больные ТБА с аллергическим компонентом из регионального регистра Свердловской области. Проанализированы данные пациентов с аллергической ($n = 68$) и смешанной ($n = 27$) ТБА, получавших омализумаб ($n = 62$) и дупилумаб ($n = 33$). Определялась эффективность терапии в течение 12 мес. в общей группе 1, группе аллергической астмы 2 и группе смешанной астмы 3 по показателям: контроль ТБА по АСТ-опроснику (Asthma Control Test), доля пациентов с неконтролируемой астмой, потребность в системных глюкокортикостероидах (СГКС) и быстродействующих бронхолитиках (БДБЛ), объем базисной терапии, количество обострений, вызовов СМП (скорой медицинской помощи) и госпитализаций, объем форсированного выдоха за первую секунду (ОФВ₁), оценка качества жизни по опросникам AQLQ (Asthma Quality of Life Questionnaire) и SNOT-22 (Sino-Nasal Outcome Test). Контрольные оценочные визиты проводились до начала терапии, через 4 и 12 мес. приема ГИБП.

Результаты. В целом за 12 мес. таргетной терапии у пациентов, получавших омализумаб, статистически значимая положительная динамика наблюдалась по 12 оцениваемым показателям из 13; у пациентов, получавших дупилумаб, – по 9 показателям. При анализе таких показателей, как АСТ, прием СГКС, обострения БА (бронхиальной астмы), ОФВ₁, выявлена статистически значимая положительная динамика по всем 4 показателям у пациентов, получавших омализумаб в группе 2, и у пациентов, получавших дупилумаб в группе 3.

Выводы. Пациенты с аллергическим компонентом ТБА одинаково хорошо отвечают на терапию омализумабом и дупилумабом. При этом выявлена тенденция к преимущественной эффективности таргетной терапии омализумабом у пациентов с аллергической астмой, дупилумабом – у пациентов со смешанным фенотипом заболевания.

Ключевые слова: тяжелая бронхиальная астма, таргетная терапия, генно-инженерные биологические препараты, омализумаб, дупилумаб

Источник финансирования: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования при проведении данной работы.

Для цитирования: Наумова ВВ, Бельтюков ЕК, Ковтун ОП, Быкова ГА, Трошина ВИ, Минеева АН. Прямое сравнительное исследование эффективности анти-IgE- и анти-IL4R α -терапии у пациентов с тяжелой аллергической и смешанной бронхиальной астмой. *Медицинский совет.* 2024;18(9):74–86. <https://doi.org/10.21518/ms2024-195>.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Direct comparative study of anti-IgE and anti-IL4R α therapy effectiveness in patients with severe allergic and mixed bronchial asthma

Veronika V. Naumova[✉], nika.naumova@gmail.com, Evgeny K. Beltyukov, Olga P. Kovtun, Galina A. Bykova, Viktoriia I. Troshina, Alyona N. Mineeva

Ural State Medical University; 3, Repin St., Ekaterinburg, 620028, Russia

Abstract

Introduction. There is insufficiency of direct comparative studies of genetically engineered biological drugs (GEBD) for severe bronchial asthma (SA) treatment in scientific databases.

Aim. To compare omalizumab and dupilumab effectiveness in patients with allergic and mixed SA in real clinical practice.

Materials and methods. The direct comparative study included SA patients with an allergic component from regional registry of Sverdlovsk region. The data of patients with allergic ($n = 68$) and mixed ($n = 27$) SA treated with omalizumab ($n = 62$) and dupilumab ($n = 33$) were analyzed. Therapy effectiveness was determined for 12 months in general group No. 1, allergic asthma group No. 2 and mixed asthma group No. 3 according to the following indicators: asthma control level (ACT), proportion of patients with uncontrolled asthma, need for systemic glucocorticosteroids (SGCS) and short-acting beta agonists (SABA),

basic therapy volume, asthma exacerbations number, emergency calls and hospitalizations, forced expiratory volume in the first second (FEV₁), assessment of life quality (AQLQ and SNOT-22). Control evaluation visits were conducted before therapy start, after 4 and 12 months of biologics taking.

Results. In general, during the 12 months of targeted therapy in patients receiving omalizumab statistically significant positive dynamics was observed in 12 of the 13 evaluated indicators; in patients receiving dupilumab – in 9 indicators. When analyzing such indicators as, ACT, taking SGCS, exacerbations of SA, FEV₁, statistically significant positive dynamics was revealed for all 4 indicators in patients receiving omalizumab in group No. 2 and in patients receiving dupilumab in group No. 3.

Conclusions. Patients with allergic component of SA respond equally well to therapy with omalizumab and dupilumab. At the same time, a tendency towards the advantage of omalizumab in patients with allergic asthma, and dupilumab in patients with a mixed phenotype of the disease was revealed.

Keywords: severe bronchial asthma, targeted therapy, genetically engineered biological drugs, omalizumab, dupilumab

Funding: this publication was not supported by any external sources of funding.

For citation: Naumova VV, Beltyukov EK, Kovtun OP, Bykova GA, Troshina VI, Mineeva AN. Direct comparative study of anti-IgE and anti-IL4R α therapy effectiveness in patients with severe allergic and mixed bronchial asthma. *Meditsinskiy Sovet.* 2024;18(9):74–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.21518/ms2024-195>.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest.

ВВЕДЕНИЕ

Таргетная терапия широко используется в рутинной клинической практике. Генно-инженерные биологические препараты (ГИБП) для лечения тяжелой бронхиальной астмы (ТБА) используются уже на протяжении 20 лет. Данные рандомизированных клинических исследований [1–7] и исследований в реальной клинической практике [8–16] свидетельствуют об эффективности и безопасности каждого отдельно взятого препарата. Проведенные не прямые сравнения препаратов выявляют отсутствие различий или преимущества того или иного ГИБП по отдельным показателям [17–23]. На результаты не прямых сравнительных исследований могли повлиять отличия в критериях включения и невключения пациентов, дизайнах исследований. Отдельной проблемой представляется выбор таргетного препарата, т. к. многие исследователи отмечают, что существует пул пациентов, которым можно назначить препараты разных классов моноклональных антител [24–26]. Таким образом, остается актуальной тема фенотипирования ТБА. В научных базах данных представлено не так много прямых сравнительных исследований, результаты которых неоднозначны, в т. ч. из-за сравнения препаратов, действующих на разные механизмы Т2-воспаления, у пациентов с разными фенотипами [27, 28]. Поэтому мы провели прямое сравнительное исследование двух таргетных препаратов, действующих в рамках одного звена Т2-воспаления, в четко определенных фенотипических группах.

Цель исследования – сравнить эффективность омализумаба и дупилумаба у пациентов с аллергической и смешанной ТБА в реальной клинической практике.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Проведено прямое сравнительное ретроспективное открытое нерандомизированное исследование на базе территориального регистра взрослых пациентов с ТБА Свердловской области.

В исследование включались пациенты регистра с аллергической и смешанной ТБА, получавшие омализумаб или дупилумаб, подписавшие информированное согласие на участие в исследовании. Критериями невключения в исследование были неаллергический эозинофильный фенотип ТБА, терапия анти-IL5-препаратами, возраст младше 18 лет, ожидаемая продолжительность терапии менее 12 мес., тяжелые сопутствующие заболевания (нестабильная стенокардия, ХСН III и IV функционального класса, хроническая болезнь почек С4 и С5 стадий, цирроз печени, подозрение на онкологические заболевания или верифицированные онкологические заболевания, туберкулез).

Аллергический фенотип ТБА определялся при доказанной аллергии и положительном результате аллерготеста «Фадиатоп™» (при результате $\geq 1,53$ вероятность аллергического фенотипа увеличивается). Дополнительными критериями значимого аллергического компонента считались: наличие аллергического ринита, возраст дебюта астмы до 20 лет, отягощенная наследственность по атопии, невысокая эозинофилия (до 450 кл/мкл по данным нашего регистра), отсутствие ХРСсПН (хронического риносинусита с полипами носа) и непереносимости НПВП (нестероидных противовоспалительных препаратов). Характерными признаками неаллергической эозинофильной астмы определены: эозинофилия ≥ 150 кл/мкл, отсутствие аллергии, сопутствующие ХРСсПН и непереносимость НПВП, поздний дебют (после 30 лет). Смешанная ТБА определялась при комбинации как минимум двух аллергических и неаллергических признаков: наличие доказанной аллергии или латентной сенсibilизации в сочетании с высоким уровнем аллерготеста «Фадиатоп™», поздний дебют, эозинофилия ≥ 300 кл/мкл, ХРСсПН, непереносимость НПВП.

Общий IgE определялся иммунохемилюминесцентным методом. Тест «Фадиатоп™» (Phadiatop ImmunoCAP) выявляет суммарные специфические IgE к наиболее распространенным ингаляционным аллергенам (пыльце деревьев, злаковых и сорных трав, клещам домашней пыли, плесневым грибкам, эпидермальным аллергенам животных) методом иммунофлюоресценции на твердой фазе.

Омализумаб назначался подкожно в расчете по массе тела и исходному уровню общего IgE 1 раз в 2 или 4 нед. Начальная доза дупилумаба составляла 600 мг подкожно, далее по 300 мг каждые 2 нед.

Проведение исследования и форма информированного согласия для пациента прошли этическую экспертизу в Локальном этическом комитете ФГБОУ ВО УГМУ Минздрава России (протокол №8 от 25.10.2019 г.). Набор пациентов в регистр проходил с 2016 г., поэтому часть пациентов включалась в исследование ретроспективно. Набор пациентов в данное исследование завершился в январе 2023 г.

Прямое сравнение эффективности препаратов проводилось в трех группах пациентов: в общей группе больных ТБА с аллергическим компонентом (J45.0 и J45.8 – группа 1), в группе пациентов с аллергической ТБА (группа 2) и в группе пациентов со смешанной ТБА (группа 3). В каждой группе выделены подгруппы пациентов, получавших омализумаб и дупилумаб. Проводилась как оценка эффективности каждого препарата (анализ «до – после»), так и сравнение эффективности двух препаратов между собой по таким показателям, как уровень контроля ТБА по АСТ-опроснику (Asthma Control Test), доля пациентов с неконтролируемой астмой, потребность в системных глюкокортикостероидах (СГКС) и быстродействующих бронхолитиках (БДБЛ), объем базисной терапии (дозы ингаляционных глюкокортикостероидов (ИГКС), прием антилейкотриеновых препаратов (АЛП) и длительно действующих антихолинергических препаратов (ДДАХ), количество обострений, вызовов СМП (скорой медицинской помощи) и госпитализаций из-за обострений астмы, функция внешнего дыхания (объем форсированного выдоха за первую секунду (ОФВ₁)), оценка качества жизни по опроснику AQLQ (Asthma Quality of Life Questionnaire)). Оценивалось влияние препаратов на назальные симптомы (опросник SNOT-22 (Sino-Nasal Outcome Test)). По итогу проведено сравнение групп и подгрупп в каждой группе по количеству показателей эффективности терапии, достигших в своей положительной динамике порога статистической значимости. Контрольные оценочные визиты проводились до начала терапии, через 4 и 12 мес. приема ГИБП.

Статистический анализ

Статистический анализ проводился с использованием программы StatTech v. 4.1.2 (разработчик ООО «Статтех», Россия).

Количественные показатели оценивались на предмет соответствия нормальному распределению с помощью критерия Шапиро – Уилка (при числе исследуемых менее 50) или критерия Колмогорова – Смирнова (при числе исследуемых более 50).

Количественные показатели, имеющие нормальное распределение, описывались с помощью средних арифметических величин (М) и стандартных отклонений (SD), границ 95% доверительного интервала (95% ДИ).

В случае отсутствия нормального распределения количественные данные описывались с помощью медианы (Me) и нижнего и верхнего квартилей (Q1-Q3).

Категориальные данные описывались с указанием абсолютных значений и процентных долей.

Сравнение двух групп по количественному показателю, имеющему нормальное распределение, при условии равенства дисперсий выполнялось с помощью t-критерия Стьюдента, при неравных дисперсиях – с помощью t-критерия Уэлча.

Сравнение двух групп по количественному показателю, распределение которого отличалось от нормального, выполнялось с помощью U-критерия Манна – Уитни.

Сравнение процентных долей при анализе четырехпольных таблиц сопряженности выполнялось с помощью критерия хи-квадрат Пирсона (при значениях ожидаемого явления более 10), точного критерия Фишера (при значениях ожидаемого явления менее 10).

Для сравнения трех и более связанных групп по нормально распределенному количественному признаку применялся однофакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями. Статистическая значимость изменений показателя в динамике оценивалась с помощью следа Пиллая (Pillai's Trace). Апостериорный анализ проводился с помощью парного t-критерия Стьюдента с поправкой Холма.

При сравнении количественных показателей, распределение которых отличалось от нормального, в двух связанных группах использовался критерий Уилкоксона.

При сравнении трех и более зависимых совокупностей, распределение которых отличалось от нормального, использовался непараметрический критерий Фридмана с апостериорными сравнениями с помощью критерия Коновера – Имана с поправкой Холма.

Сравнение бинарных показателей, характеризующих более двух связанных совокупностей, выполнялось с помощью Q-критерия Кохрена. Апостериорный анализ проводился с помощью теста МакНемара с поправкой Холма.

Различия считались статистически значимыми при $p < 0,05$.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На январь 2024 г. в регистре состояло 68 пациентов с аллергической ТБА (J45.0) и 27 пациентов со смешанной ТБА (J45.8). В группе 1 62 пациента получали омализумаб, 33 пациента – дупилумаб (табл. 1). В группе аллергической астмы большинство пациентов (77,94%, $n = 53$) получали омализумаб, в группе смешанной астмы – дупилумаб (66,67%, $n = 18$). В группе смешанной астмы дебют заболевания состоялся значимо позднее, чем у пациентов с аллергической астмой: различия зафиксированы как в целом между группами 2 и 3 ($p < 0,001$), так и в подгруппах у пациентов, получавших омализумаб ($p = 0,027$) и дупилумаб ($p = 0,002$). Различий в частоте сопутствующего АР не было между группами 2 и 3 ($p = 0,218$), а также между пациентами, получавшими омализумаб в группах 2 и 3 ($p = 0,149$) и дупилумаб в группах 2 и 3 ($p = 1,000$). ХРСсПН встречался у 70,4% ($n = 19$) пациентов со смешанной астмой и у 11,8% ($n = 8$) пациентов с аллергической астмой ($p < 0,001$).

● **Таблица 1.** Характеристика пациентов с тяжелой бронхиальной астмой с аллергическим компонентом, получающих омализумаб и дупилумаб
 ● **Table 1.** Characteristics of patients with severe bronchial asthma with an allergic component receiving omalizumab and dupilumab

Показатели	Группа 1 (J45,0 + J45,8) n = 95			Группа 2 (J45,0) n = 68			Группа 3 (J45,8) n = 27		
	Омализумаб n = 62	Дупилумаб n = 33	p	Омализумаб n = 53	Дупилумаб n = 15	p	Омализумаб n = 9	Дупилумаб n = 18	p
Женщины, n (%)	50 (80,6)	19 (57,6)	0,016*	42 (79,2)	6 (40,0)	0,003*	8 (88,9)	13 (72,2)	0,628
Мужчины, n (%)	12 (19,4)	14 (42,4)		11 (20,8)	9 (60,0)		1 (11,1)	5 (27,8)	
Средний возраст, лет, M ± SD (95% ДИ)	43,77 ± 12,79 (40,53–47,02)	46,94 ± 16,26 (41,18–52,70)	0,300	43,49 ± 12,92 (39,93–47,05)	38,20 ± 15,22 (29,77–46,63)	0,183	45,44 ± 12,58 (35,77–55,11)	54,22 ± 13,53 (47,49–60,95)	0,117
Средний возраст дебюта БА, лет, Me (Q1-Q3)	10,00 (3,00–20,00)	20,00 (5,00–35,00)	0,145	7,00 (3,00–18,00)	5,00 (1,50–20,00)	0,475	28,00 (16,00–41,00)	30,00 (11,50–40,75)	0,738
ИМТ, кг/м ² , M ± SD (95% ДИ), Me (Q1-Q3)	27,50 ± 7,66 (25,47–29,53)	25,65 ± 4,30 (24,08–27,23)	0,151	26,16 (22,05–32,55)	26,00 (22,40–30,55)	0,699	24,84 (23,66–31,99)	24,22 (22,86–26,04)	0,236
Наличие АР, n (%)	57 (91,9)	30 (90,9)	1,000	50 (94,3)	14 (93,3)	1,000	7 (77,8)	16 (88,9)	0,582
Наличие ХРСсПН, n (%)	15 (24,2)	12 (36,4)	0,210	7 (13,2)	1 (6,7)	0,674	8 (88,9)	11 (61,1)	0,201
Наличие ХРСбПН, n (%)	2 (3,2)	3 (9,1)	0,338	2 (3,8)	2 (13,3)	0,209	0 (0,0)	1 (5,6)	1,000
Наличие atopического дерматита, n (%)	12 (19,4)	13 (39,4)	0,035*	12 (22,6)	9 (60,0)	0,006*	0 (0,0)	4 (22,2)	0,268
Наличие гиперчувствительности к НПВП, n (%)	6 (9,7)	6 (18,2)	0,331	2 (3,8)	0 (0,0)	1,000	4 (44,4)	6 (33,3)	0,683
Общий IgE, МЕ/л, Me (Q1-Q3)	202,43 (115,10–400,00)	550,00 (198,65–1215,00)	<0,001*	230,90 (116,50–452,50)	1005,00 (405,75–1985,03)	<0,001*	126,00 (115,10–202,43)	288,10 (117,75–971,00)	0,105
«Фадиа топ», РАУ/л, Me (Q1-Q3)	4,60 (2,05–10,30)	7,49 (2,39–24,88)	0,236	4,53 (2,12–11,12)	25,00 (4,12–47,80)	0,069	4,66 (0,74–7,58)	7,10 (1,72–10,30)	0,647
Эозинофилы периферической крови, кл/мкл, Me (Q1-Q3)	356,00 (185,00–526,00)	338,00 (257,00–495,00)	0,986	314,00 (171,00–489,50)	301,00 (200,00–338,00)	0,558	822,00 (520,00–970,00)	434,00 (296,00–607,50)	0,019*
ОФВ ₁ , %, M ± SD (95% ДИ)	61,91 ± 23,23 (55,80–68,02)	64,23 ± 23,27 (55,84–72,62)	0,651	62,34 ± 22,50 (55,88–68,80)	67,71 ± 20,61 (55,82–79,61)	0,426	59,59 ± 28,32 (37,82–81,36)	61,53 ± 25,40 (48,90–74,16)	0,858

Примечание. ДИ – доверительный интервал, БА – бронхиальная астма, ИМТ – индекс массы тела, АР – аллергический ринит, ХРСсПН – хронический риносинусит с полипами носа, ХРСбПН – хронический риносинусит без полипов носа, НПВП – нестероидные противовоспалительные препараты, ОФВ₁ – объем форсированного выдоха за первую секунду, J45,0 – аллергическая астма, J45,1 – неаллергическая эозинофильная астма, J45,8 – смешанная астма.

* Различия показателей статистически значимы (p < 0,05).

Пациентам с сопутствующим atopическим дерматитом (АтД) значимо чаще назначали дупилумаб (p = 0,035) (табл. 1). Гиперчувствительность к НПВП наблюдалась у 37,0% (n = 10) пациентов со смешанной ТБА и у 2,9% (n = 2) пациентов с аллергической ТБА (p < 0,001). Во всех трех группах у пациентов, получавших дупилумаб, уровень общего IgE был выше, чем у пациентов, получавших омализумаб (p < 0,001, p < 0,001, p = 0,105 для групп 1, 2 и 3 соответственно). Группы 2 и 3 по уровню общего IgE не отличались друг от друга (p = 0,501). Уровень специфических IgE, определяемых методом «Фадиа топ», не отличался внутри каждой из групп между пациентами, получавшими омализумаб и дупилумаб (p = 0,236, p = 0,069,

p = 0,647 соответственно). Но у пациентов с аллергической астмой исходное среднее значение «Фадиа топ-теста» (17,67 ± 24,27 95% ДИ 10,84–24,49) было выше, чем в группе смешанной астмы (7,88 ± 11,24 95% ДИ 3,34–12,42) (p = 0,018). Уровень эозинофилов периферической крови преобладал в группе 3 (500,00 кл/мкл (Q1-Q3: 354,00–770,50)) по сравнению с группой 2 (310,00 кл/мкл (Q1-Q3: 177,00–438,00)) (p < 0,001). По ОФВ₁ значимых различий ни в группах по фенотипам, ни в подгруппах по препаратам не зафиксировано.

В течение 12 мес. таргетной терапии у пациентов всех трех групп значимо увеличился средний балл АСТ-теста. Но только у пациентов группы 3, получавших дупилумаб,

баллы АСТ-теста соответствовали частично контролируемой астме. Значимой разницы между подгруппами препаратов ни в одной группе не зарегистрировано (рис. 1).

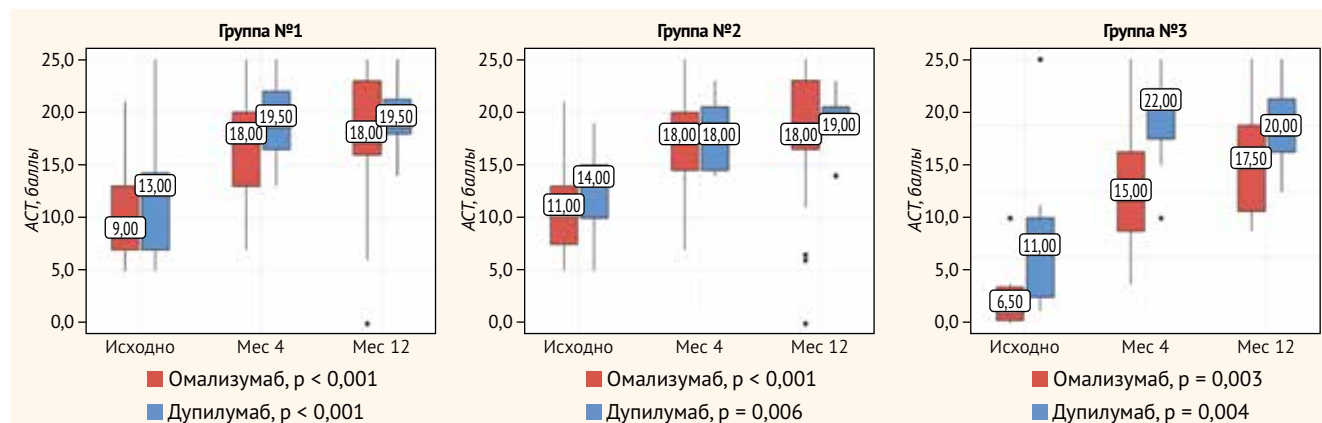
Статистически значимое уменьшение доли неконтролируемой ТБА в группе 1 и 2 наблюдалось у пациентов, получавших и омализумаб, и дупилумаб. В группе 2 17,1% пациентов через 12 мес. терапии достигли контроля над ТБА. В группе 3 динамика по снижению доли пациентов с неконтролируемыми симптомами БА была в обеих группах, но значимые изменения зафиксированы только у пациентов, получавших дупилумаб ($p = 0,023$) (рис. 2). Статистически значимой разницы между препаратами ни в одной группе, ни в одной контрольной точке не было.

Исходно в группе 1 59,5% ($n = 25$) пациентов подгруппы омализумаба получали СГКС курсами при обострениях ($n = 21$) или на постоянной основе ($n = 4$), в подгруппе дупилумаба 52,9% ($n = 9$) принимали СГКС только курсами при обострениях. Разницы между подгруппами

исходно не выявлено ($p = 0,414$). В группах 2 и 3 исходно также было незначимое преобладание потребности в СГКС в подгруппах пациентов, получавших омализумаб, по сравнению с получавшими дупилумаб ($p = 0,618$ и $p = 0,411$ соответственно для групп 2 и 3) (рис. 3). Через 12 мес. терапии в группе 1 в подгруппе омализумаба доля пациентов, требовавших назначения СГКС, снизилась до 16,7% ($p < 0,001$); все пациенты подгруппы дупилумаба не имели потребности в СГКС ($p < 0,001$). Разницы между подгруппами омализумаба и дупилумаба не было ни на 4-м мес., ни на 12-м мес. ($p = 0,725$, $p = 0,096$ соответственно). В группе аллергической астмы наблюдалась похожая динамика, но статистически значимое снижение потребности в СГКС зарегистрировано только в подгруппе омализумаба. В подгруппе дупилумаба группы 2, несмотря на 100% отказ от СГКС к 12-му мес. терапии, значимость изменений не зафиксирована ($p = 0,174$), что, вероятно, связано с небольшим числом пациентов в подгруппе.

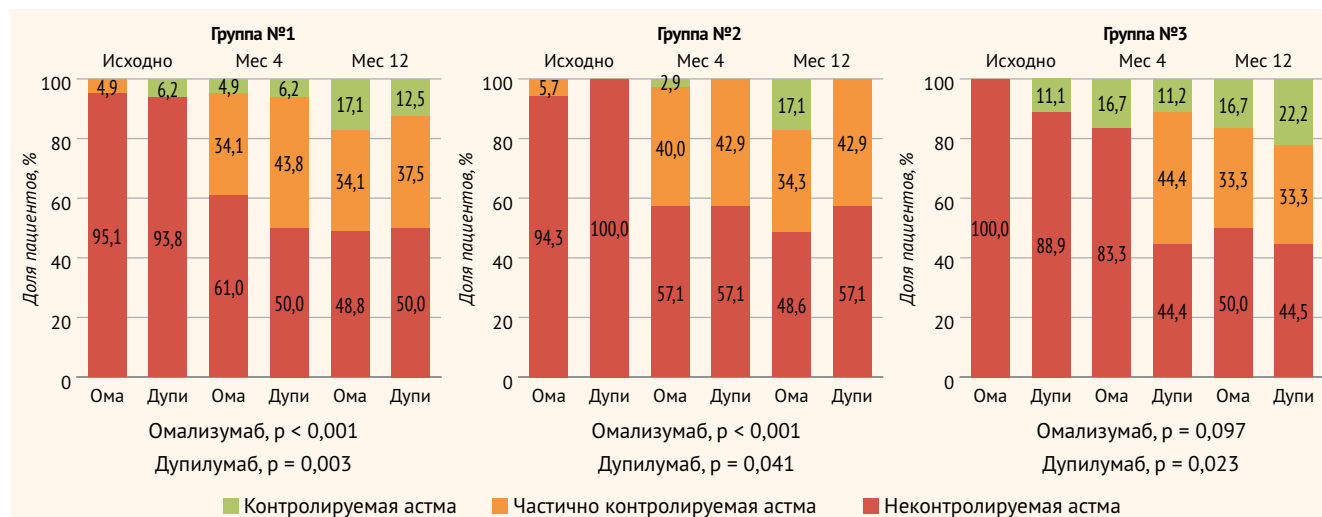
● **Рисунок 1.** Сравнение динамики баллов в АСТ-тесте у пациентов групп 1, 2, 3, получавших омализумаб и дупилумаб в течение 12 мес.

● **Figure 1.** Comparison of ACT test scores dynamics in patients of groups No. 1, 2, 3 received omalizumab and dupilumab for 12 months

● **Рисунок 2.** Сравнение динамики уровня контроля у пациентов групп 1, 2, 3, получавших омализумаб и дупилумаб в течение 12 мес.

● **Figure 2.** Comparison of the control level dynamics in patients of groups No. 1, 2, 3 received omalizumab and dupilumab for 12 months

В группе смешанной астмы все пациенты к 4-му мес. смогли отказаться от приема СГКС и потребности не было до конца первого года терапии (для подгруппы омализумаба $p = 0,018$, для подгруппы дупилумаба $p = 0,002$) (рис. 3).

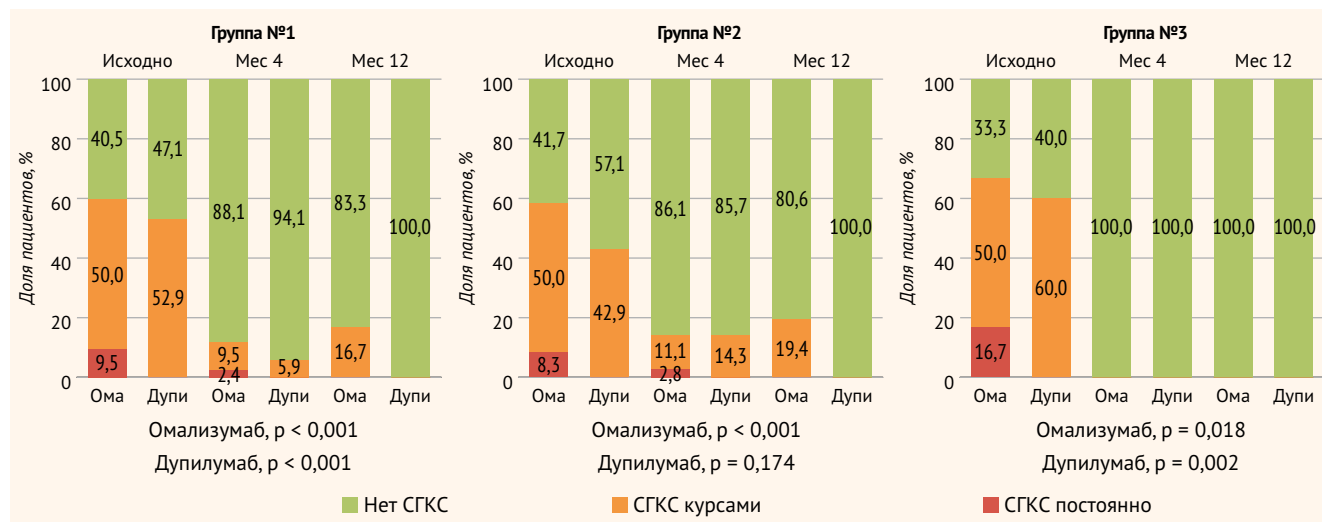
Исходно во всех трех группах в подгруппах омализумаба пациенты чаще пользовались БДБЛ, чем пациенты в подгруппах дупилумаба (для групп 1, 2, 3 $p = 0,015$, $p = 0,032$, $p = 0,110$ соответственно). К 12-му мес. терапии значимое снижение потребности в БДБЛ наблюдалось во всех группах у пациентов, получавших омализумаб ($p < 0,001$, $p < 0,001$, $p = 0,023$). У пациентов, получавших дупилумаб, также было снижение потребности в БДБЛ, но значимо в группах 1 и 3 ($p < 0,001$, $p = 0,161$, $p < 0,001$) (рис. 4).

На фоне таргетной терапии наблюдалось снижение объема базисной терапии. В группах 1 и 2 по 4 пациента подгрупп омализумаба смогли перейти с высоких доз ИГКС на средние за 12 мес. терапии и 4 пациента – со средних на низкие дозы ИГКС

($p = 0,013$ и $p = 0,012$ соответственно для групп 1 и 2). В подгруппе дупилумаба также была тенденция к снижению дозы ИГКС, но без статистической значимости ($p = 0,097$ и $p = 0,135$ соответственно для групп 1 и 2) (рис. 5). В группе 3 снижения доз ИГКС практически не было ни в подгруппе омализумаба, ни в подгруппе дупилумаба ($p = 0,368$ и $p = 0,223$ соответственно). Снижение потребности в АЛП выявлено в подгруппах дупилумаба групп 1 и 3 ($p = 0,027$ и $p = 0,015$ соответственно) и для подгруппы омализумаба группы 1 ($p = 0,035$). У пациентов подгруппы омализумаба смешанной астмы и группы аллергической астмы (обе подгруппы) была тенденция к отмене АЛП, но без статистической значимости (рис. 6). Из всех анализируемых пациентов только 3 пациента на омализумабе и 1 пациент на дупилумабе смогли отменить ДДАХ, поэтому ни в одной из групп статистически значимых изменений в приеме ДДАХ не отмечено (рис. 7). Но значимых различий между подгруппами омализумаба

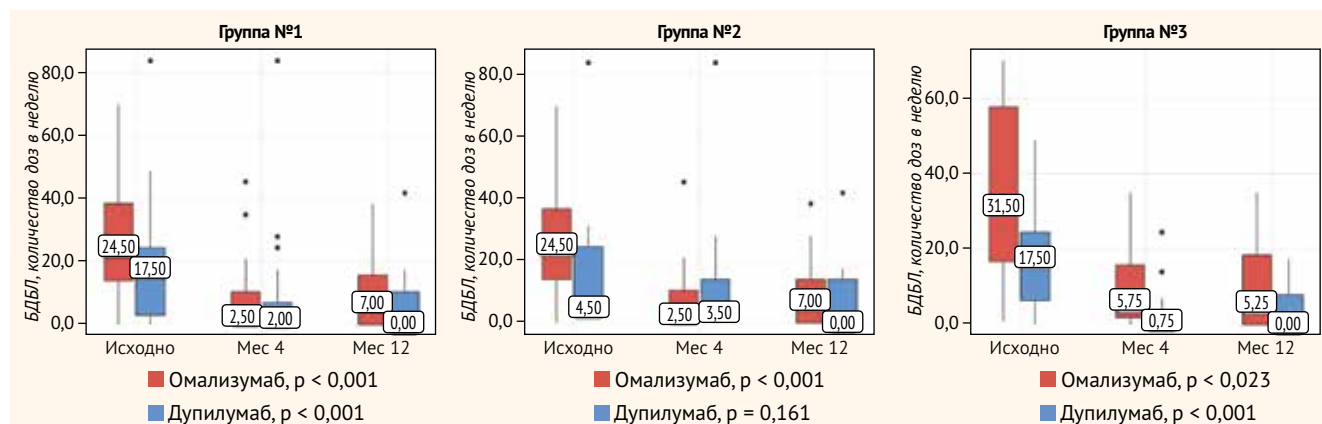
● **Рисунок 3.** Сравнение динамики потребности в СГКС у пациентов групп 1, 2, 3, получавших омализумаб и дупилумаб в течение 12 мес.

● **Figure 3.** Comparison of the SGCS demand dynamics in patients of groups No. 1, 2, 3 receiving omalizumab and dupilumab for 12 months

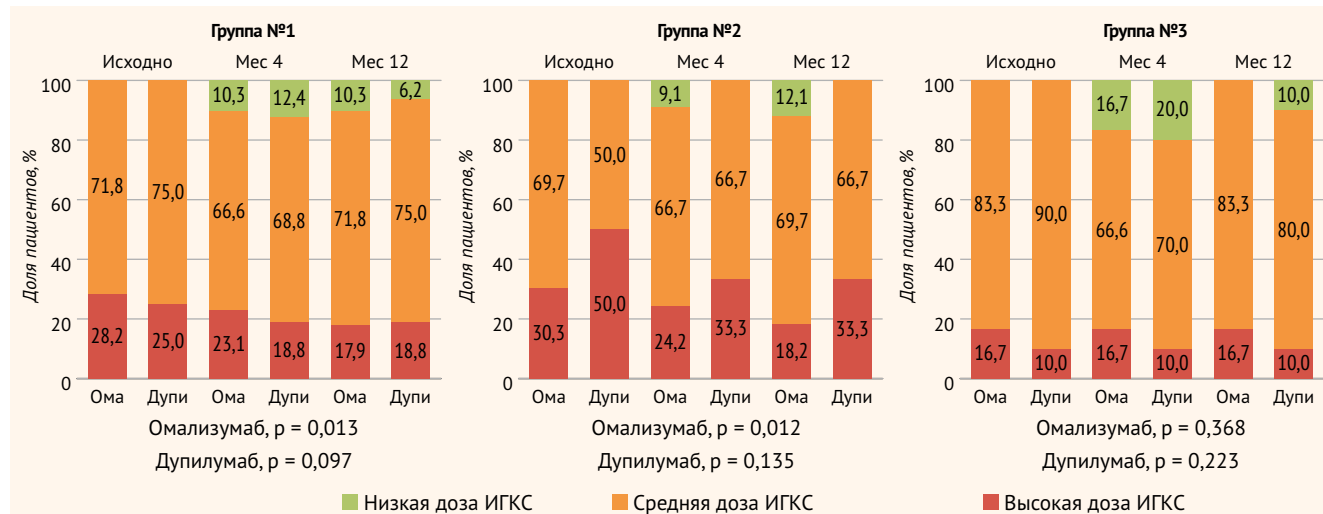

● **Рисунок 4.** Сравнение динамики потребности в БДБЛ у пациентов групп 1, 2, 3, получавших омализумаб и дупилумаб в течение 12 мес.

● **Figure 4.** Comparison of the SABA demand dynamics in patients of groups No. 1, 2, 3 receiving omalizumab and dupilumab for 12 months

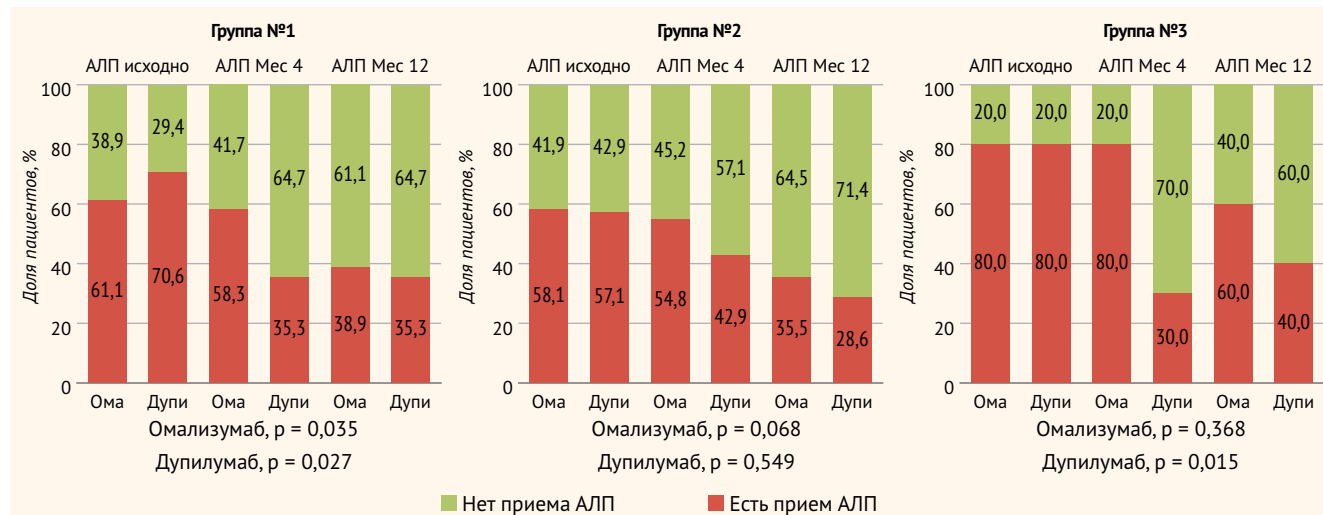

- **Рисунок 5.** Сравнение динамики доз ИГКС у пациентов групп 1, 2, 3, получавших омализумаб и дупилумаб в течение 12 мес.
 ● **Figure 5.** Comparison of inhaled GCS doses dynamics in patients of groups No. 1, 2, 3 receiving omalizumab and dupilumab for 12 months

Ома – подгруппа омализумаба, Дупи – подгруппа дупилумаба, ИГКС – ингаляционные глюкокортикостероиды, Мес – месяц

- **Рисунок 6.** Сравнение динамики приема антилейкотриеновых препаратов у пациентов групп 1, 2, 3, получавших омализумаб и дупилумаб в течение 12 мес.
 ● **Figure 6.** Comparison of antileukotriene drugs intake dynamics in patients of groups No. 1, 2, 3 receiving omalizumab and dupilumab for 12 months

Ома – подгруппа омализумаба, Дупи – подгруппа дупилумаба, АЛП – антилейкотриеновый препарат, Мес – месяц

и дупилумаба ни в одной из групп, ни в одной из контрольных точек выявлено не было.

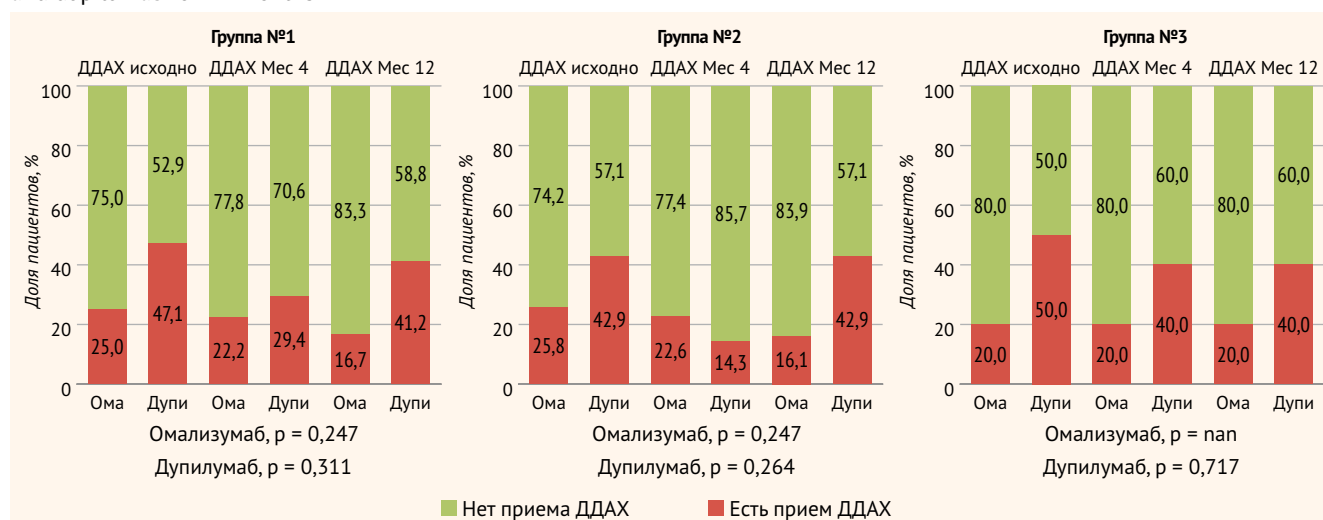
Число обострений БА за год таргетной терапии статистически значимо уменьшилось в группе 1 (в 2,8 раза для подгруппы омализумаба ($p < 0,001$) и в 8,5 раза для подгруппы дупилумаба ($p < 0,001$)), в группе 2 (в 2,7 раза в подгруппе омализумаба ($p < 0,001$) и в 6,4 раза в подгруппе дупилумаба ($p = 0,006$)), в группе 3 (в 4 раза в подгруппе омализумаба ($p = 0,215$) и в 10,8 раза в подгруппе дупилумаба ($p = 0,009$)) (рис. 8). Значимых различий между подгруппами ни в одной группе, ни в одной контрольной точке не выявлено.

С уменьшением числа обострений БА снижалось использование ресурсов здравоохранения по поводу обострений БА. В подгруппах омализумаба снижение числа вызовов СМП составило 95,7 и 95,4% в группах 1 и 2

соответственно ($p = 0,013$ и $p = 0,017$) и снижение числа госпитализаций – 84,6 и 82,3% в группах 1 и 2 соответственно ($p < 0,001$ и $p < 0,001$). В подгруппах дупилумаба групп 1 и 2, а также в группе 3 наблюдалось снижение вызовов СМП и госпитализаций, но без статистической значимости (рис. 9, 10). Значимых различий между подгруппами ни в одной группе, ни в одной контрольной точке не выявлено.

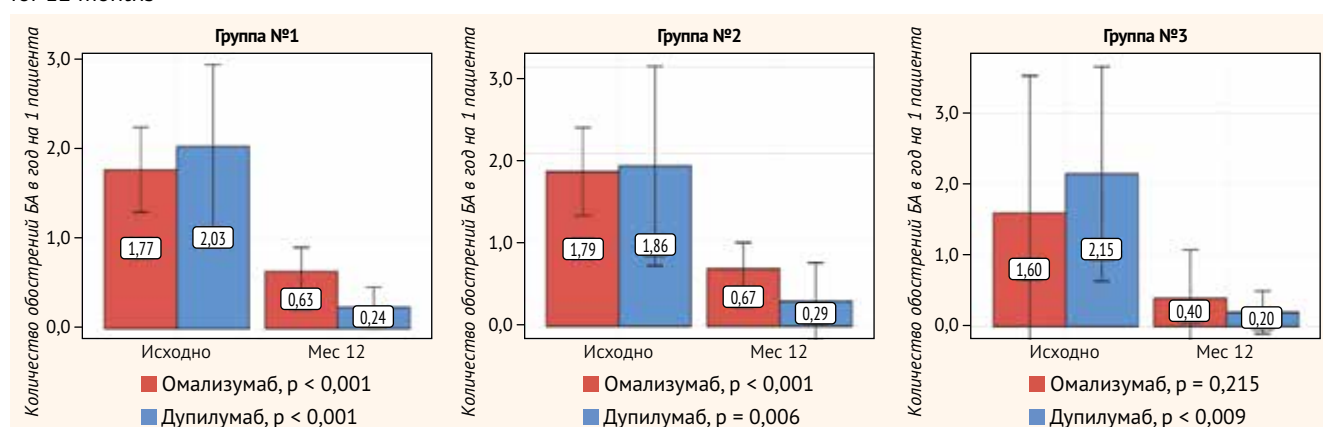
В целом за 12 мес. терапии моноклональными антителами у пациентов группы 1 зарегистрировано улучшение функции дыхания: в подгруппе омализумаба ОФВ₁ увеличился с $61,26 \pm 20,04\%$ (95% ДИ 54,38–68,15) до $70,70 \pm 22,02\%$ (95% ДИ 63,14–78,27) ($p < 0,001$), в подгруппе дупилумаба – с $65,59 \pm 20,51\%$ (95% ДИ 54,66–76,52) до $81,49 \pm 20,21\%$ (95% ДИ 70,72–92,26) ($p = 0,002$) (рис. 11). В группе 2 и 3 наблюдалась похожая

- **Рисунок 7.** Сравнение динамики приема длительно действующих холинолитиков у пациентов групп 1, 2, 3, получавших омализумаб и дупилумаб в течение 12 мес.
- **Figure 7.** Comparison of long acting muscarinic antagonist intake dynamics in patients of groups No. 1, 2, 3 receiving omalizumab and dupilumab for 12 months

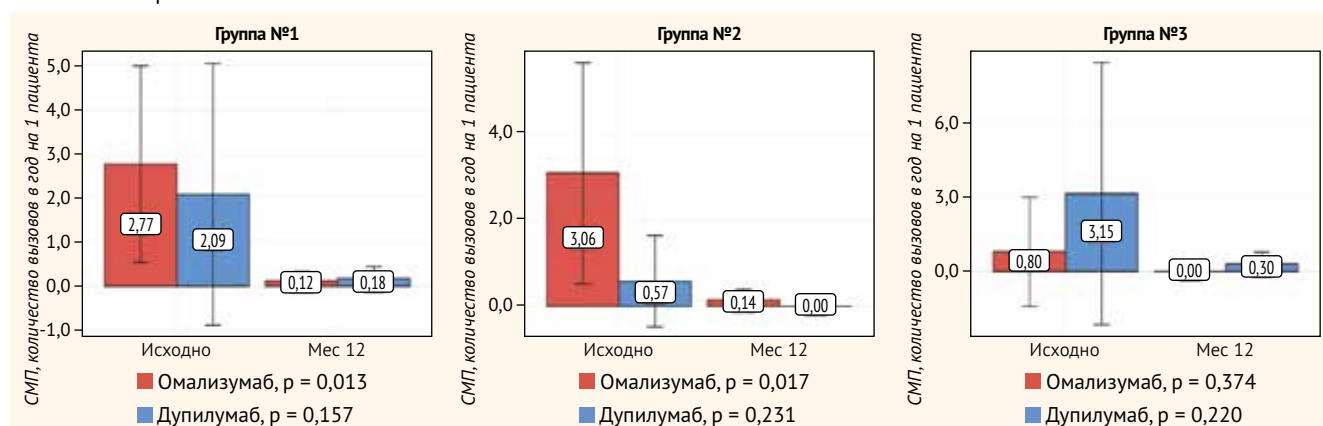
Ома – подгруппа омализумаба, Дупи – подгруппа дупилумаба, ДДАХ – длительно действующий антихолинергический препарат, Мес – месяц

- **Рисунок 8.** Сравнение динамики обострений бронхиальной астмы у пациентов групп 1, 2, 3, получавших омализумаб и дупилумаб в течение 12 мес.
- **Figure 8.** Comparison of asthma exacerbations dynamics in patients of groups No. 1, 2, 3 receiving omalizumab and dupilumab for 12 months

БА – бронхиальная астма, Мес – месяц

- **Рисунок 9.** Сравнение динамики вызовов скорой медицинской помощи по поводу обострений бронхиальной астмы у пациентов групп 1, 2, 3, получавших омализумаб и дупилумаб в течение 12 мес.
- **Figure 9.** Comparison of emergency calls for asthma exacerbations dynamics in patients of groups No. 1, 2, 3 receiving omalizumab and dupilumab for 12 months

СМП – вызовы скорой медицинской помощи, Мес – месяц

динамика $ОФВ_1$. Но в группе 2 выявлена статистически значимая разница между подгруппами на 12-м мес., подтверждающая более выраженные изменения у пациентов, получавших дупилумаб ($p = 0,041$). На других контрольных точках во всех группах не было статистически значимой разницы между подгруппами. В группе 3 статистически значимая динамика $ОФВ_1$ была только в подгруппе дупилумаба ($p = 0,018$); в подгруппе омализумаба, несмотря на увеличение показателя на 37,7%, статистическая значимость не была достигнута ($p = 0,170$), вероятно, из-за небольшого объема выборки (рис. 11).

Качество жизни по опроснику AQLQ значимо повышалось у пациентов во всех группах, получавших как омализумаб, так и дупилумаб. Стоит отметить, что у пациентов на дупилумабе в группах 1 и 2 на 4-м мес. увеличение количества баллов было более выраженным, чем у пациентов на омализумабе ($p = 0,010$ и $p = 0,018$). Но к 12-му мес. терапии разницы между подгруппами не было (рис. 12).

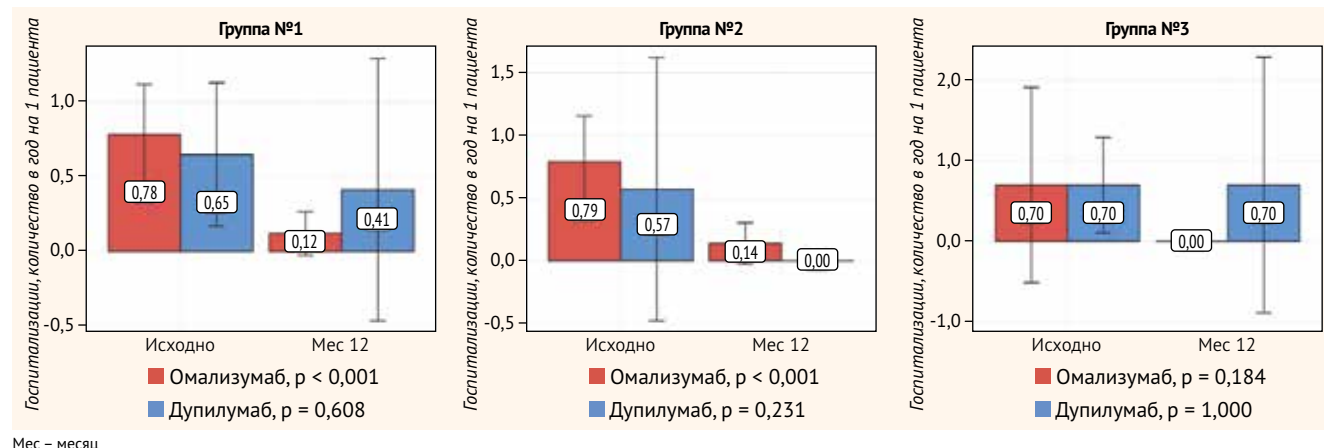
Количество баллов по опроснику SNOT-22 в группах 1, 2 и 3 снижалось в подгруппах омализумаба на 35,5, 34,4 и 39,4% соответственно, в подгруппах

дупилумаба – на 43,9, 42,3 и 45,0% соответственно. Значимой разницы между подгруппами в пределах каждой группы не было ни в одной контрольной точке (рис. 13).

Всего мы оценили 13 показателей эффективности таргетной терапии. В группе 1 у пациентов, получавших омализумаб, порога статистической значимости достигли 12 показателей, в группе дупилумаба – 9 показателей. У пациентов с аллергической астмой (группа 2) значимые положительные изменения в подгруппе омализумаба зарегистрированы по 11 показателям, в подгруппе дупилумаба – по 6 показателям (табл. 2). У пациентов со смешанной астмой (группа 3) значимая положительная динамика показателей преобладала в группе дупилумаба – 9 показателей из 13 по сравнению с подгруппой омализумаба – 5 показателей из 13 (табл. 2). Если выделить показатели, важные для определения ремиссии ТБА (АСТ-тест, прием СГКС, обострения БА, $ОФВ_1$) [29], то все 4 показателя достигли в своей динамике порога статистической значимости в подгруппе омализумаба у пациентов с аллергической ТБА и в подгруппе дупилумаба у пациентов со смешанной астмой. Стоит отметить, что между

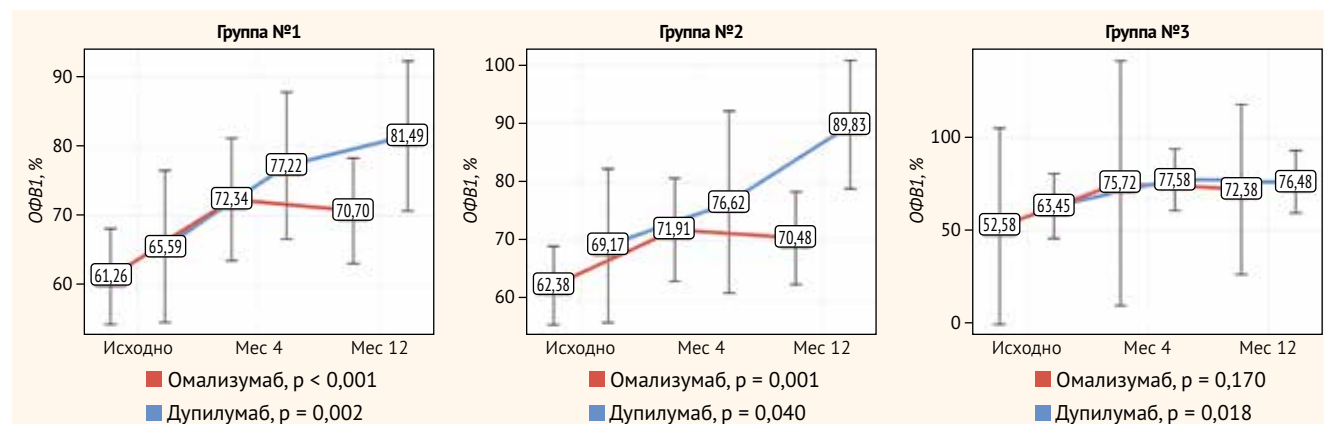
● **Рисунок 10.** Сравнение динамики госпитализаций по поводу обострений бронхиальной астмы у пациентов групп 1, 2, 3, получавших омализумаб и дупилумаб в течение 12 мес.

● **Figure 10.** Comparison of hospitalizations for asthma exacerbations dynamics in patients of groups No. 1, 2, 3 receiving omalizumab and dupilumab for 12 months

● **Рисунок 11.** Сравнение динамики функции дыхания у пациентов групп 1, 2, 3, получавших омализумаб и дупилумаб в течение 12 мес.

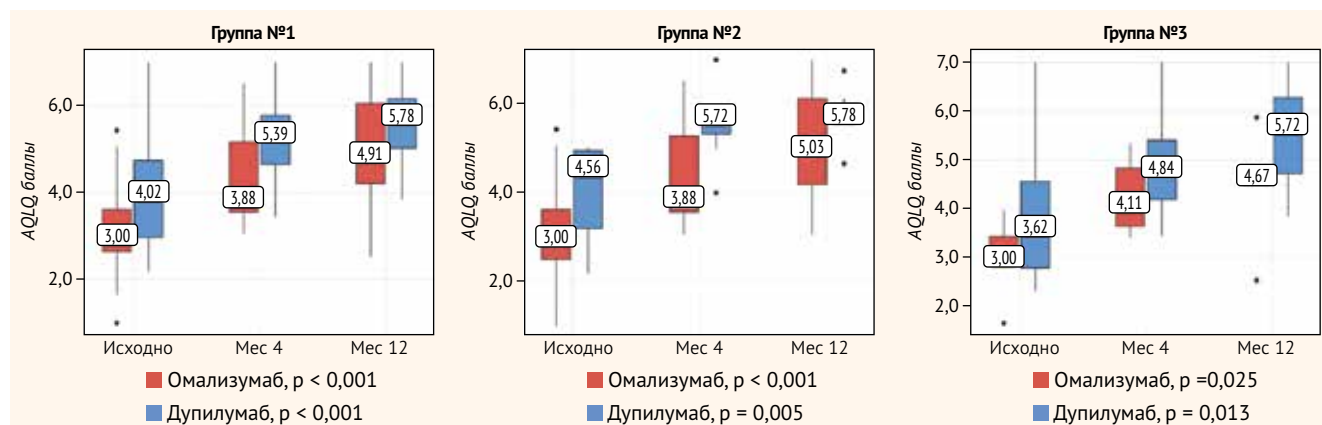
● **Figure 11.** Comparison of respiratory function dynamics in patients of groups No. 1, 2, 3 receiving omalizumab and dupilumab for 12 months

$ОФВ_1$ – объем форсированного дыхания за первую секунду, Мес – месяц

● **Рисунок 12.** Сравнение динамики качества жизни по опроснику AQLQ у пациентов групп 1, 2, 3, получавших омализумаб и дупилумаб в течение 12 мес.

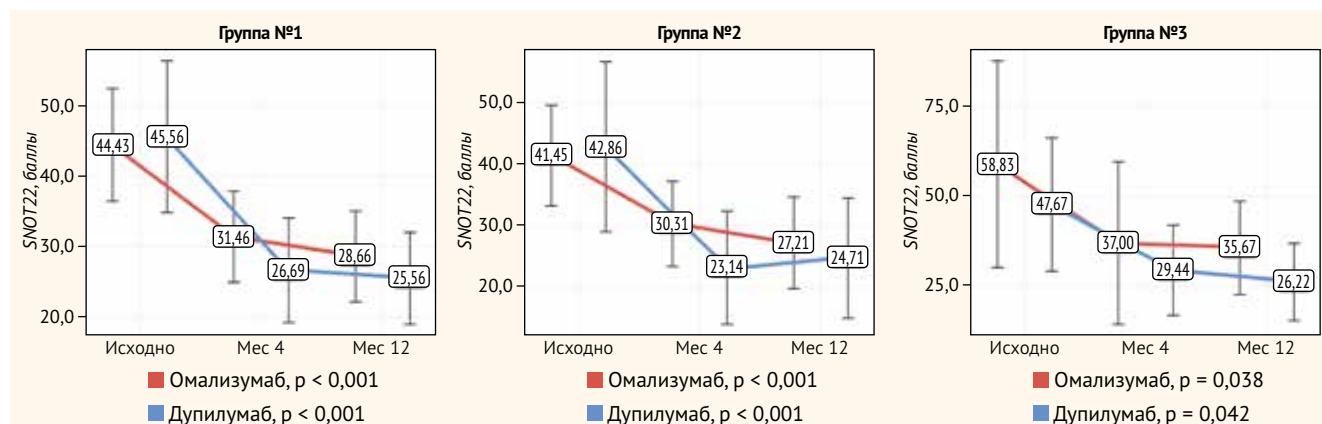
● **Figure 12.** Comparison of AQLQ scores dynamics in patients of groups No. 1, 2, 3 receiving omalizumab and dupilumab for 12 months

AQLQ – опросник по качеству жизни у пациентов с бронхиальной астмой, Мес – месяц

● **Рисунок 13.** Сравнение динамики качества жизни по опроснику SNOT-22 у пациентов групп 1, 2, 3, получавших омализумаб и дупилумаб в течение 12 мес.

● **Figure 13.** Comparison of AQLQ scores dynamics in patients of groups No. 1, 2, 3 receiving omalizumab and dupilumab for 12 months

SNOT-22 – опросник по качеству жизни у пациентов с заболеваниями носа и околоносовых пазух, Мес – месяц

подгруппами пациентов, получавших разные таргетные препараты, в пределах каждой группы не было выявлено значимой разницы в контрольных точках, за исключением показателя ОФВ₁ на 12-м мес. терапии в группе 2 и AQLQ на 4-м мес. терапии в группах 1 и 2 (преимущество показал дупилумаб).

ОБСУЖДЕНИЕ

В данном исследовании мы сравнивали эффективность омализумаба и дупилумаба у пациентов с аллергической и смешанной ТБА. Прямые сравнительные исследования редки не только из-за рисков фармкомпаний, но и из-за сложности подбора фенотипически и эндотипически сходных пациентов. Мы выбрали для сравнения пациентов с клинически значимым аллергическим компонентом. Для сравнения были выбраны препараты с разным механизмом действия на T2-воспаление, но оказывающие влияние на Th2-индуцируемый ответ. Омализумаб связывает свободные IgE и не дает им взаимодействовать с рецепторами на тучных клетках

и базофилах, что предотвращает развитие реакций гиперчувствительности первого типа [30, 31]. Дупилумаб, блокируя альфа-субъединицу рецептора IL-4 и IL-13, уменьшает переключение В-лимфоцитов на выработку IgE [32]. Блокируя IL-13, дупилумаб может также влиять на гиперреактивность дыхательных путей, гиперплазию бокаловидных клеток и дисфункцию гладких мышц, связанную с астмой, и это может объяснить эффект дупилумаба на функцию внешнего дыхания [33].

В нашем исследовании, как и в других [27, 28, 34], в целом преобладали женщины ($n = 69$ vs мужчины $n = 26$). Но в подгруппе дупилумаба группы 2 60% составили мужчины. Y. Kimura также отмечает численное преобладание мужчин в подгруппе дупилумаба, объясняя это тем, что дупилумаб на момент проведения исследования был единственным препаратом, одобренным для самостоятельного применения пациентами в Японии, что способствовало предпочтению дупилумаба работающими мужчинами [27]. В России дупилумаб также одобрен для самостоятельного введения пациентами, но в связи со спецификой организации таргетной терапии в Свердловской области

● **Таблица 2.** Сравнение уровней значимости динамики показателей эффективности терапии
 ● **Table 2.** Comparison of significance levels of therapy effectiveness indicators dynamics

Показатели	Группа 1 J45.0 + J45.8		Группа 2 J45.0		Группа 3 J45.8	
	Ома, n = 62	Дупи, n = 33	Ома, n = 53	Дупи, n = 15	Ома, n = 9	Дупи, n = 18
АСТ	<0,001*	<0,001*	<0,001*	0,006*	0,003*	0,004*
Уровень контроля	<0,001*	0,003*	<0,001*	0,041*	0,097	0,023*
Прием СГКС	<0,001*	<0,001*	<0,001*	0,174	0,018*	0,002*
Потребность в БДБЛ	<0,001*.*	<0,001*	<0,001*.*	0,161	0,023*	<0,001*
Дозы ИГКС	0,013*	0,097	0,012*	0,135	0,368	0,223
Прием АЛП	0,035*	0,027*	0,068	0,549	0,368	0,015*
Прием ДДАХ	0,247	0,311	0,247	0,264	nan	0,717
Обострения БА	<0,001*	<0,001*	<0,001*	0,006*	0,215	0,009*
Вызовы СМП	0,013*	0,157	0,017*	0,231	0,374	0,220
Госпитализации	<0,001*	0,608	<0,001*	0,231	0,184	1,000
ОФВ ₁	<0,001*	0,002*	0,001*	0,040*. [§]	0,170	0,018*
AQLQ	<0,001*	<0,001*. [†]	<0,001*	0,005*. [‡]	0,042*	0,021*
SNOT-22	<0,001*	<0,001*	<0,001*	<0,001*	0,038*	0,042*
Итого	12/13	9/13	11/13	6/13	5/13	9/13

Примечание. АСТ – тест по контролю над бронхиальной астмой, СГКС – системные глюкокортикостероиды, БДБЛ – быстродействующие бронхолитики, ИГКС – ингаляционные глюкокортикостероиды, АЛП – антилейкотриеновые препараты, ДДАХ – длительно действующие антихолинергические препараты, БА – бронхиальная астма, СМП – скорая медицинская помощь, ОФВ₁ – объем форсированного выдоха за первую секунду, AQLQ – опросник по качеству жизни у пациентов с бронхиальной астмой, SNOT-22 – опросник по качеству жизни у пациентов с заболеваниями носа и околоносовых пазух, Ома – подгруппа омализумаба, Дупи – подгруппа дупилумаба. * Различия показателей статистически значимы (p < 0,05).

* Исходно в подгруппе омализумаба потребность в БДБЛ была значимо выше, чем в подгруппе дупилумаба (p = 0,015).

* Исходно в подгруппе омализумаба потребность в БДБЛ была значимо выше, чем в подгруппе дупилумаба (p = 0,032).

§ На 12-м мес. терапии в подгруппе дупилумаба ОФВ₁ был значимо выше, чем в подгруппе омализумаба (p = 0,041).

† На 4-м мес. терапии в подгруппе дупилумаба балл по опроснику AQLQ был значимо выше, чем в подгруппе омализумаба (p = 0,010).

‡ На 4-м мес. терапии в подгруппе дупилумаба балл по опроснику SNOT-22 был значимо выше, чем в подгруппе омализумаба (p = 0,018).

инъекции всех ГИБП проводятся в медицинских учреждениях медицинским персоналом. Преобладание мужчин в группе дупилумаба в нашем исследовании скорее связано с более частым сочетанием с АтД.

Возраст дебюта является важным признаком для фенотипирования. Ранний дебют связан с аллергической астмой, поздний – с неаллергической эозинофилией [35–39]. В нашем исследовании средний возраст дебюта астмы у пациентов с аллергической ТБА составил 7,00 лет (Q1-Q3: 3,00–19,50), у пациентов со смешанной – 30,00 лет (Q1-Q3: 13,00–41,00), что свидетельствует о том, что в смешанной астме присутствует неаллергический эозинофильный компонент. ХРСсПН и гиперчувствительность к НПВП так же, как признаки неаллергической эозинофилии, чаще выявлялись у пациентов со смешанной астмой, чем с аллергической (p < 0,001 и p < 0,001). По уровню исходной эозинофилии группы 2 и 3 соответствовали определению Т2-астмы по GINA¹ (≥150 кл/мкл). Но в группе 3 уровень эозинофилии периферической крови (500,00 кл/мкл (Q1-Q3: 354,00–770,50)) был статистически значимо выше, чем в группе 2 (310,00 кл/мкл (Q1-Q3: 177,00–438,00)) (p < 0,001).

В группе 1, включавшей всех исследуемых пациентов, при сравнении количества показателей, динамика

которых достигла порога значимости, преимущество выявлено в подгруппе омализумаба (12 показателей из 13 vs 9/13 у дупилумаба). При анализе результатов в группах 2 и 3 преимущество было у омализумаба в группе 2 и дупилумаба в группе 3. Но не все показатели играют одинаковую роль. Обычно в исследованиях придают значение достижению контроля над астмой (по опросникам АСТ и/или ACQ (Asthma Control Questionnaire)), уменьшению дозы или полному отказу от СГКС, снижению частоты обострений БА, улучшению функции легких (ОФВ₁) [8, 9, 11, 13, 27, 28, 34, 40, 41]. Кроме того, эти показатели входят в оценку ремиссии ТБА [42] и разработанную К. Milger шкалу ответа на биологическую терапию при ТБА – BARS (Biologics Asthma Response Score) [43, 44]. Анализируя только эти 4 показателя, мы пришли к выводу, что динамика всех 4 показателей достигла порога значимости в общей группе пациентов как в подгруппе омализумаба, так и в подгруппе дупилумаба. Но выявлены различия между группами аллергической и смешанной ТБА. Так, в группе 2 пациенты подгруппы омализумаба достигли порога значимости по всем 4 показателям, а пациенты подгруппы дупилумаба – только по 3 показателям (снижение дозы СГКС было статистически незначимо). Но стоит отметить, что по функции дыхания на 12-м мес. терапии была зарегистрирована единственная статистически значимая

¹ Global Initiative for Asthma. Global Strategy for Asthma Management and Prevention, 2023. Updated July 2023. Available at: www.ginasthma.org.

разница между подгруппами препаратов. Преимущество дупилумаба может быть связано с его блокадой влияния IL-13 на дыхательные пути [33]. В группе 3, наоборот, пациенты подгруппы омализумаба достигли порога значимости только по снижению дозы СГКС, а пациенты подгруппы дупилумаба – по всем 4 показателям.

Ограничения исследования связаны с отсутствием предварительного расчета объема выборки и рандомизации, небольшим количеством наблюдений, что могло повлиять на недостижение порога статистической значимости в динамике показателей.

Выводы

Таким образом, пациенты с аллергическим компонентом ТБА одинаково хорошо отвечают на терапию омализумабом и дупилумабом. При этом выявлена тенденция к преимущественной эффективности таргетной терапии омализумабом у пациентов с аллергической астмой, дупилумабом – у пациентов со смешанным фенотипом заболевания.

Поступила / Received 01.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 12.04.2024

Принята в печать / Accepted 15.04.2024

Список литературы / References

- Milgrom H, Fick RB Jr, Su JQ, Reimann JD, Bush RK, Watrous ML et al. Treatment of allergic asthma with monoclonal anti-IgE antibody: rhuMab-E25 Study Group. *N Engl J Med*. 1999;341(26):1966–1973. <https://doi.org/10.1056/NEJM199912233412603>.
- Humbert M, Beasley R, Ayres J, Slavin R, Hébert J, Bousquet J et al. Benefits of omalizumab as add-on therapy in patients with severe persistent asthma who are inadequately controlled despite best available therapy (GINA 2002 step 4 treatment): INNOVATE. *Allergy*. 2005;60(3):309–316. <https://doi.org/10.1111/j.1398-9995.2004.00772.x>.
- Bousquet J, Siergiejko Z, Swiebocka E, Humbert M, Rabe KF, Smith N et al. Persistency of response to omalizumab therapy in severe allergic (IgE-mediated) asthma. *Allergy*. 2011;66(5):671–678. <https://doi.org/10.1111/j.1398-9995.2010.02522.x>.
- Siergiejko Z, Swiebocka E, Smith N, Peckitt C, Leo J, Peachey G, Maykut R. Oral corticosteroid sparing with omalizumab in severe allergic (IgE-mediated) asthma patients. *Curr Med Res Opin*. 2011;27(11):2223–2228. <https://doi.org/10.1185/03007995.2011.620950>.
- Castro M, Corren J, Pavord ID, Maspero J, Wenzel S, Rabe KF et al. Dupilumab Efficacy and Safety in Moderate-to-Severe Uncontrolled Asthma. *N Engl J Med*. 2018;378(26):2486–2496. <https://doi.org/10.1056/NEJMoa1804092>.
- Rabe KF, Nair P, Brusselle G, Maspero JF, Castro M, Sher L et al. Efficacy and Safety of Dupilumab in Glucocorticoid-Dependent Severe Asthma. *N Engl J Med*. 2018;378(26):2475–2485. <https://doi.org/10.1056/NEJMoa1804093>.
- Wechsler ME, Ford LB, Maspero JF, Pavord ID, Papi A, Bourdin A et al. Long-term safety and efficacy of dupilumab in patients with moderate-to-severe asthma (TRAVELER): an open-label extension study. *Lancet Respir Med*. 2022;10(1):11–25. [https://doi.org/10.1016/S2213-2600\(21\)00322-2](https://doi.org/10.1016/S2213-2600(21)00322-2).
- Canonica GW, Bartezaghi M, Marino R, Rigoni L. Prevalence of perennial severe allergic asthma in Italy and effectiveness of omalizumab in its management: PROXIMA – an observational, 2 phase, patient reported outcomes study. *Clin Mol Allergy*. 2015;13(1):10. <https://doi.org/10.1186/s12948-015-0019-7>.
- Solidoro P, Patrucco F, de Blasio F, Brussino L, Bellocchia M, Dassetto D et al. Predictors of reversible airway obstruction with omalizumab in severe asthma: a real-life study. *Ther Adv Respir Dis*. 2019;13:1753466619841274. <https://doi.org/10.1177/1753466619841274>.
- Humbert M, Bourdin A, Taillé C, Kamar D, Thonnellier C, Lajoie A et al. Real-life omalizumab exposure and discontinuation in a large nationwide population-based study of paediatric and adult asthma patients. *Eur Respir J*. 2022;60(5):2103130. <https://doi.org/10.1183/13993003.03130-2021>.
- Dupin C, Belhadi D, Guilleminault L, Gamez AS, Berger P, De Blay F et al. Effectiveness and safety of dupilumab for the treatment of severe asthma in a real-life French multi-centre adult cohort. *Clin Exp Allergy*. 2020;50(7):789–798. <https://doi.org/10.1111/cea.13614>.
- Renner A, Marth K, Patocka K, Idzko M, Pohl W. Dupilumab rapidly improves asthma control in predominantly anti-IL5/IL5R pretreated Austrian real-life severe asthmatics. *Immun Inflamm Dis*. 2021;9(3):624–627. <https://doi.org/10.1002/iid3.434>.
- Carpagnano GE, Scioscia G, Buonamico E, Lacedonia D, Diaferia F, Capozza E et al. Early effectiveness of type-2 severe asthma treatment with dupilumab in a real-life setting; a FeNO-driven choice that leads to winning management. *Multidiscip Respir Med*. 2022;17(1):797. Available at: https://www.researchgate.net/publication/358359986_Early_effectiveness_of_type-2_severe_asthma_treatment_with_dupilumab_in_a_real-life_setting_a_FeNO-driven_choice_that_leads_to_winning_management.
- Hoshino M, Akitsu K, Kubota K, Ohtawa J. Efficacy of a house dust mite sublingual immunotherapy tablet as add-on dupilumab in asthma with rhinitis. *Allergol Int*. 2022;71(4):490–497. <https://doi.org/10.1016/j.alit.2022.05.010>.
- Pose K, Laorden D, Hernández N, Villamañán E, Quirce S, Domínguez-Ortega J. Efficacy of Dupilumab for Severe Atopic Dermatitis Co-occurring With Asthma in a Real-World Setting. *J Invest Allergol Clin Immunol*. 2023;33(3):217–219. <https://doi.org/10.18176/jiaci.0857>.
- Minagawa S, Araya J, Watanabe N, Fujimoto S, Watanabe J, Hara H et al. Real-life effectiveness of dupilumab in patients with mild to moderate bronchial asthma comorbid with CRSwNP. *BMC Pulm Med*. 2022;22(1):258. <https://doi.org/10.1186/s12890-022-02046-3>.
- Cabon Y, Molinari N, Marin G, Vachier I, Gamez AS, Chanez P, Bourdin A. Comparison of anti-interleukin-5 therapies in patients with severe asthma: global and indirect meta-analyses of randomized placebo-controlled trials. *Clin Exp Allergy*. 2017;47(1):129–138. <https://doi.org/10.1111/CEA.12853>.
- Edris A, De Feyter S, Maes T, Joos G, Lahousse L. Monoclonal antibodies in type 2 asthma: a systematic review and network meta-analysis. *Respir Res*. 2019;20(1):179. <https://doi.org/10.1186/S12931-019-1158-3>.
- Henriksen DP, Bodtger U, Sidenius K, Maltbaek N, Pedersen L, Madsen H et al. Efficacy, adverse events, and inter-drug comparison of mepolizumab and reslizumab anti-IL-5 treatments of severe asthma – a systematic review and meta-analysis. *Eur Clin Respir J*. 2018;5(1):1536097. <https://doi.org/10.1080/20018525.2018.1536097>.
- Ramonell RP, Iftikhar IH. Effect of Anti-IL5, Anti-IL5R, Anti-IL13 Therapy on Asthma Exacerbations: A Network Meta-analysis. *Lung*. 2020;198(1):95–103. <https://doi.org/10.1007/S00408-019-00310-8>.
- Busse W, Chupp G, Nagase H, Albers FC, Doyle S, Shen Q et al. Anti-IL-5 treatments in patients with severe asthma by blood eosinophil thresholds: Indirect treatment comparison. *J Allergy Clin Immunol*. 2019;143(1):190–200. <https://doi.org/10.1016/J.JACI.2018.08.031>.
- He LL, Zhang L, Jiang L, Xu F, Fei DS. Efficacy and safety of anti-interleukin-5 therapy in patients with asthma: A pairwise and Bayesian network meta-analysis. *Int Immunopharmacol*. 2018;64:223–231. <https://doi.org/10.1016/J.INTIMP.2018.08.031>.
- Calzetta L, Matera MG, Rogliani P. Monoclonal antibodies in severe asthma: is it worth it? *Expert Opin Drug Metab Toxicol*. 2019;15(6):517–520. <https://doi.org/10.1080/17425255.2019.1621837>.
- Nagase H, Suzuki M, Oishi K, Matsunaga K. Biologics for severe asthma: The real-world evidence, effectiveness of switching, and prediction factors for the efficacy. *Allergol Int*. 2023;72(1):11–23. <https://doi.org/10.1016/j.alit.2022.11.008>.
- Ito A, Miyoshi S, Toyota H, Suzuki Y, Uehara Y, Hattori S et al. The overlapping eligibility for biologics in patients with severe asthma and phenotypes. *Arerugi*. 2022;71(3):210–220. <https://doi.org/10.15036/arerugi.71.210>.
- Albers FC, Müllerová H, Gunsoy NB, Shin JY, Nelsen LM, Bradford ES et al. Biologic treatment eligibility for real-world patients with severe asthma: The IDEAL study. *J Asthma*. 2018;55(2):152–160. <https://doi.org/10.1080/02770903.2017.1322611>.
- Kimura Y, Suzuki M, Inoue N, Imai S, Akazawa M, Matsui H. Real-world benefits of biologics for asthma: Exacerbation events and systemic corticosteroid use. *World Allergy Organ J*. 2021;14(11):100600. <https://doi.org/10.1016/j.waojou.2021.100600>.
- Akenroye A, Marshall J, Simon AL, Hague C, Costa R, Jamal-Allial A et al. Smaller Differences in the Comparative Effectiveness of Biologics in Reducing Asthma-Related Hospitalizations Compared With Overall Exacerbations. *J Allergy Clin Immunol Pract*. 2024;S2213-2198(24)00211–3. <https://doi.org/10.1016/j.jaip.2024.02.034>.
- Menzies-Gow A, Bafadhel M, Busse WW, Casale TB, Kocks JWH, Pavord ID et al. An expert consensus framework for asthma remission as a treatment goal. *J Allergy Clin Immunol*. 2020;145(3):757–765. <https://doi.org/10.1016/j.jaci.2019.12.006>.
- Belliveau PP. Omalizumab: a monoclonal anti-IgE antibody. *MedGenMed*. 2005;7(1):27. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1681435/>.
- Incorvaia C, Mauro M, Makri E, Leo G, Ridolo E. Two decades with omalizumab: what we still have to learn. *Biologics*. 2018;12:135–142. <https://doi.org/10.2147/BTT.S180846>.
- Pelaia G, Vatrella A, Maselli R. The potential of biologics for the treatment of asthma. *Nat Rev Drug Discov*. 2012;11(12):958–972. <https://doi.org/10.1038/nrd3792>.
- Manuyakorn W, Howarth PH, Holgate ST. Airway remodelling in asthma and novel therapy. *Asian Pac J Allergy Immunol*. 2013;31(1):3–10. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/23517388>.
- Akenroye AT, Segal JB, Zhou G, Foer D, Li L, Alexander GC et al. Comparative effectiveness of omalizumab, mepolizumab, and dupilumab in asthma: A target trial emulation. *J Allergy Clin Immunol*. 2023;151(5):1269–1276. <https://doi.org/10.1016/j.jaci.2023.01.020>.

35. Kaur R, Chupp G. Phenotypes and endotypes of adult asthma: Moving toward precision medicine. *J Allergy Clin Immunol*. 2019;144(1):1–12. <https://doi.org/10.1016/j.jaci.2019.05.031>.
36. Moore WC, Meyers DA, Wenzel SE, Teague WG, Li H, Li X et al. Identification of asthma phenotypes using cluster analysis in the Severe Asthma Research Program. *Am J Respir Crit Care Med*. 2010;181(4):315–323. <https://doi.org/10.1164/rccm.200906-0896OC>.
37. Mansur AH, Gonem S, Brown T, Burhan H, Chaudhuri R, Dodd JW et al. Biologic therapy practices in severe asthma; outcomes from the UK Severe Asthma Registry and survey of specialist opinion. *Clin Exp Allergy*. 2022;53(2):173–185. <https://doi.org/10.1111/cea.14222>.
38. Heaney LG, Perez de Llano L, Al-Ahmad M, Backer V, Busby J, Canonica GW et al. Eosinophilic and Noneosinophilic Asthma: An Expert Consensus Framework to Characterize Phenotypes in a Global Real-Life Severe Asthma Cohort. *Chest*. 2021;160(3):814–830. <https://doi.org/10.1016/j.chest.2021.04.013>.
39. Baan EJ, de Roos EW, Engelkes M, de Ridder M, Pedersen L, Berencsi K et al. Characterization of Asthma by Age of Onset: A Multi-Database Cohort Study. *J Allergy Clin Immunol Pract*. 2022;10(7):1825–1834. <https://doi.org/10.1016/j.jaip.2022.03.019>.
40. Deschildre A, Marguet C, Langlois C, Pin I, Rittié JL, Derelle J et al. Real-life long-term omalizumab therapy in children with severe allergic asthma. *Eur Respir J*. 2015;46(3):856–859. <https://doi.org/10.1183/09031936.00008115>.
41. Licari A, Castagnoli R, Denicolò C, Rossini L, Seminara M, Sacchi L et al. Omalizumab in Childhood Asthma Italian Study Group. Omalizumab in Children with Severe Allergic Asthma: The Italian Real-Life Experience. *Curr Respir Med Rev*. 2017;13(1):36–42. <https://doi.org/10.2174/1573398X13666170426094536>.
42. Menzies-Gow A, Bafadhel M, Busse WW, Casale TB, Kocks JWH, Pavord ID et al. An expert consensus framework for asthma remission as a treatment goal. *J Allergy Clin Immunol*. 2020;145(3):757–765. <https://doi.org/10.1016/j.jaci.2019.12.006>.
43. Milger K, Korn S, Feder C, Fuge J, Mühle A, Schütte W et al. Criteria for evaluation of response to biologics in severe asthma – the Biologics Asthma Response Score (BARS). *Pneumologie*. 2023;77:220–232. <https://doi.org/10.1055/a-2102-8128>.
44. Milger K, Suhling H, Skowasch D, Holt Dirk A, Kneidinger N, Behr J et al. Response to Biologics and Clinical Remission in the Adult German Asthma Net Severe Asthma Registry Cohort. *J Allergy Clin Immunol Pract*. 2023;11(9):2701–2712. <https://doi.org/10.1016/j.jaip.2023.05.047>.

Вклад авторов:

Концепция статьи – В.В. Наумова, Е.К. Бельтюков
 Концепция и дизайн исследования – В.В. Наумова, Е.К. Бельтюков, О.П. Ковтун
 Написание текста – В.В. Наумова, В.И. Трошина, А.Н. Минеева
 Сбор и обработка материала – В.В. Наумова, Г.А. Быкова
 Обзор литературы – В.В. Наумова, Г.А. Быкова, В.И. Трошина, А.Н. Минеева
 Анализ материала – В.В. Наумова
 Статистическая обработка – В.В. Наумова, Е.К. Бельтюков
 Редактирование – Е.К. Бельтюков, О.П. Ковтун
 Утверждение окончательного варианта статьи – Е.К. Бельтюков

Contribution of authors:

Concept of the article – Veronika V. Naumova, Evgeny K. Beltyukov
 Study concept and design – Veronika V. Naumova, Evgeny K. Beltyukov, Olga P. Kovtun
 Text development – Veronika V. Naumova, Viktoriia I. Troshina, Alyona. N. Mineeva
 Collection and processing of material – Veronika V. Naumova, Galina A. Bykova
 Literature review – Veronika V. Naumova, Galina A. Bykova, Viktoriia I. Troshina, Alyona. N. Mineeva
 Material analysis – Veronika V. Naumova
 Statistical processing – Veronika V. Naumova, Evgeny K. Beltyukov
 Editing – Evgeny K. Beltyukov, Olga P. Kovtun
 Approval of the final version of the article – Evgeny K. Beltyukov

Информация об авторах:

Наумова Вероника Викторовна, к.м.н., доцент кафедры факультетской терапии, эндокринологии, аллергологии и иммунологии, Уральский государственный медицинский университет; 620028, Россия, Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; <https://orcid.org/0000-0002-3028-2657>; nika.naumova@gmail.com
Бельтюков Евгений Кронидович, чл.-корр. РАН, д.м.н., профессор, профессор кафедры факультетской терапии, эндокринологии, аллергологии и иммунологии, Уральский государственный медицинский университет; 620028, Россия, Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; <https://orcid.org/0000-0003-2485-2243>; asthma@mail.ru
Ковтун Ольга Петровна, акад. РАН, д.м.н., профессор, ректор, Уральский государственный медицинский университет; 620028, Россия, Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; <https://orcid.org/0000-0002-5250-7351>; usma@usma.ru
Быкова Галина Александровна, к.м.н., ассистент кафедры факультетской терапии, эндокринологии, аллергологии и иммунологии, Уральский государственный медицинский университет; 620028, Россия, Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; <https://orcid.org/0000-0003-0823-4605>; Center-ao@yandex.ru
Трошина Виктория Игоревна, студент, Уральский государственный медицинский университет; 620028, Россия, Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; <https://orcid.org/0009-0009-9902-3766>; viktorytrosh@mail.ru
Минеева Алена Николаевна, студент, Уральский государственный медицинский университет; 620028, Россия, Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; <https://orcid.org/0009-0001-6446-407X>; mineeva.med@gmail.com

Information about the authors:

Veronika V. Naumova, Cand. Sci. (Med.), Assistant Professor of the Department of Faculty Therapy, Endocrinology, Allergology and Immunology, Ural State Medical University; 3, Repin St., Ekaterinburg, 620028, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-3028-2657>; nika.naumova@gmail.com
Evgeny K. Beltyukov, Corr. Member RAS, Dr. Sci. (Med.), Professor, Professor of the Department of Faculty Therapy, Endocrinology, Allergology and Immunology, Ural State Medical University; 3, Repin St., Ekaterinburg, 620028, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-2485-2243>; asthma@mail.ru
Olga P. Kovtun, Acad. RAS, Dr. Sci. (Med.), Professor, Rector, Ural State Medical University; 3, Repin St., Ekaterinburg, 620028, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-5250-7351>; usma@usma.ru
Galina A. Bykova, Cand. Sci. (Med.), Assistant of the Department of Faculty Therapy, Endocrinology, Allergology and Immunology, Ural State Medical University; 3, Repin St., Ekaterinburg, 620028, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-0823-4605>; Center-ao@yandex.ru
Viktoriia I. Troshina, Student, Ural State Medical University; 3, Repin St., Ekaterinburg, 620028, Russia; <https://orcid.org/0009-0009-9902-3766>; viktorytrosh@mail.ru
Alyona N. Mineeva, Student, Ural State Medical University; 3, Repin St., Ekaterinburg, 620028, Russia; <https://orcid.org/0009-0001-6446-407X>; mineeva.med@gmail.com